

УДК 26

Я.М. Ханмагомедов

Религиозно-политический экстремизм: единство и многообразие проявлений

Дагестанский государственный университет, yarah63@gmail.com

В статье рассматриваются различные подходы ученых к определению термина «религиозно-политический экстремизм», анализируются факторы распространения ваххабизма и каналы его проникновения в Дагестан в последние десятилетия.

Ключевые слова: *ислам, экстремизм, ваххабизм, терроризм, нетерпимость.*

The article reviews various approaches of the scientists in the definition of "religious and political extremism", analyzes the factors distribution channels Vahhabism and its penetration into Dagestan in the last decade.

Keywords: *Islam, extremism, Vahhabism, terrorism and intolerance.*

В результате глобальных изменений последних двух десятилетий южные регионы России стали подвержены негативному влиянию политизированного фундаментализма, который проявился в деятельности совместных дагестанско-чеченских экстремистских организаций ваххабитского толка, опирающихся на мощную поддержку из-за рубежа. Наибольшую остроту в Дагестане приобрело противостояние двух религиозных исламских группировок – «тарикатистов» и «ваххабитов». При этом было бы не совсем правомерным ставить знак равенства между религиозным экстремизмом и ваххабизмом как таковым, т. к. «всякий непредвзятый взгляд не обнаруживает какой-либо органичной связи с последователями шейха Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба, с одной стороны, и экстремизмом и терроризмом – с другой. Наличие подобной связи до сих пор не подкреплено никакими доказательствами» [7, с. 43–49]. В этом контексте термин *ваххабизм* можно употреблять для обозначения практики использования исламской религии в политических целях. Речь, прежде всего, должна идти о радикальном правом крыле этого течения, которое ведет антиконституционную работу и претендует на захват государственной власти и установление шариатского правления.

Рассмотрим несколько ключевых терминов, связанных с рассматриваемым вопросом и наиболее активно используемых в современной литературе. Речь идет, прежде всего, о таких понятиях, как *фундаментализм, исламизм, терроризм, экстремизм, исламский экстремизм.*

Под термином *исламизм* большинство исследователей понимает политизированный ислам, и он употребляется для обозначения практики использования исламской религии в политических целях. Представители данного течения требуют изменения места и роли религии в жизни общества, отвергая господствующую идеологию, политическую практику существующего режима и государственное устройство как не соответствующее нормам мусульманской религии [12, с. 49–63].

Как пишет М. Яхьяев, «фундаментализм в широком смысле слова – это мировоззренческая система, которая выступает за сохранение традиционных основ общественно-политических порядков, против их коренных изменений. Применительно к политике фундаментализм означает приверженность неизменности традиционных политических целей и доктрин» [20, с. 49]. В религиозном смысле понятие *фундаментализм* изначально использовалось для обозначения одного из консервативных течений в протестантизме. Оно возникло в канун Первой мировой войны среди наиболее консерватив-

ной части американских протестантов как отрицательная реакция на рост богословского модернизма и либерализма в христианстве. Свое название течение получило после 1910 г. Фундаменталисты требовали укрепить традиционные догмы христианства и придерживаться безусловной непогрешимости Библии, буквального ее истолкования, не допускающего какого-либо критического отношения к содержанию любой из ее частей. После Первой мировой войны идеи фундаментализма получают в США широкое распространение. В 1919 г. была основана даже Всемирная христианская фундаменталистская ассоциация, президентом которой стал лидер этого движения В.Б. Райле. В 30-х гг. фундаменталистское движение пошло на убыль. Однако в конце 70-х – нач. 80-х гг. фундаменталисты вновь активизировали свою деятельность [3, с. 471–472].

Весьма любопытным представляется одно из течений внутри протестантского фундаментализма, возникшее на базе концепций Сайруса Скофилда, в XIX в. выпустившего особую Библию с собственными комментариями, которые часто путают и отождествляют с действительно библейскими текстами. Эту Библию прочитали десятки миллионов американцев, и она оказала гигантское влияние на их мировоззрение.

Евангелист Хал Линдси написал книгу “Покойная великая планета” (разошлась тиражом в 18 млн экз.). В ней он предсказывает войну между русско-арабским и американо-израильским блоками, которая должна завершиться смертью (от ядерного удара) одной трети всего населения планеты и полным уничтожением русских и арабов.

В разное время подобных воззрений придерживались до трети американцев, в их числе и президент Рональд Рейган.

Но в США есть христианские фундаменталисты, исповедующие радикальный антисемитизм. Особо выделяются на их фоне т. н. христиане идентичности. Согласно им, мир делится на “потомков Адама” – белых людей, или “истинных израэлитов”, и на “детей сатаны” (“евреев” и прочих “нечистых”). Некогда “истинные израэлиты” выступили против “детей сатаны”, но потерпели поражение и, скрываясь от преследования, расселились по всей Европе. Борьба продолжается и по сей день, и закончиться она должна опять-таки широкомасштабной войной с применением ядерного оружия.

Католические фундаменталисты менее радикальны, чем протестантские, но также весьма влиятельны. Особой популярностью пользовалось “Общество святого Пия X”, созданное в 1970 г. Марселем Лефевром, который решительно выступил против церковного модернизма, что привело к отлучению архиепископа от церкви. Существуют и другие общества католических фундаменталистов, международные и национальные, такие, как “Воины Божьи”. В той или иной степени под влиянием католического фундаментализма находятся и праворадикальные партии Западной Европы.

Религиозный фундаментализм крайне силен в Израиле. Здесь существует несколько политических партий, отстаивающих иудейский фундаментализм. Так или иначе на религиозный фундаментализм ориентирован 41 депутат кнессета (из 120).

Надо сказать несколько слов и об индуистском фундаментализме. В Индии весьма успешно действует “Союз добровольных служителей нации” – около 4 млн человек. Далее следует назвать ультрарадикальную организацию “Армия Шивы”. Сейчас индуистские фундаменталисты враждуют с мусульманами, но и не только с ними. В последнее время участились случаи нападений на католиков [16].

Таким образом, считает Е. Малахова, идеи нетерпимости и экстремизма в той или иной степени заложены в каждой религии, и необходимо четко определить ту границу, за которой кончается религиозный экстремизм и начинаются уголовные преступления [8].

В последние несколько десятилетий термин “фундаментализм” был перенесен и на ислам. По мнению А. Малашенко, в основе фундаментализма лежит попытка восстановить первоначальные ценности ислама, определенные еще во времена пророка Мухам-

мада, сформулировать идею исламского государства. С другой стороны, обозначив своей целью строительство исламского государства, фундаментализм побуждает к действию во имя этого строительства. Действие же требует организованных усилий, предполагающих создание соответствующих исламских партий и движений. Деятельность этих религиозных организаций и можно определить как исламизм или политический ислам [9, с. 127–130]. Таким образом, можно говорить, что фундаментализм является идеологией исламизма, а исламизм – политическим выражением фундаментализма.

Так называемый исламский фундаментализм отличается от политического ислама, который “имеет мало общего с истинным исламом как вероисповеданием, отдельные группы и личности (лидеры) используют его как средство политической борьбы для достижения конкретных политических целей. В этом смысле он проявляется в форме экстремизма и терроризма, а прилагательное “исламский” лишь указывает на конфессиональную принадлежность членов экстремистских группировок или участников террористических актов” [15, с. 7–14].

Э. Мамытова выступает против смешения понятий “исламский фундаментализм” и “исламский экстремизм”. Фундаментализм присущ, как было сказано, и другим конфессиям (например, православию), отражая противоречия между консервативным массовым сознанием и быстрым изменением действительности. «Исламский экстремизм, вышедший из недр исламского фундаментализма, отличается приверженностью к террору и насилию при реализации своих планов построения “исламского порядка”» [10, с. 57–63].

Современный политологический словарь определяет экстремизм как приверженность в политике и идеях к крайним взглядам и действиям. Такое определение не раскрывает сущность экстремизма, тем более что «не указывается определенная количественная и качественная мера «крайности», которая разделяет экстремизм и то, что не относится к экстремизму» [13, с. 16].

Теоретическая неразработанность проблем природы экстремизма создает широкое поле для различных вариантов понятийного толкования сущности экстремизма [13, с. 17–24].

Исследователь движений радикального ислама Л.Р. Полонская указывает на такие особенности возрождения фундаментальных основ религии, как теологические и политические. Если в первом случае речь идет о теории возрождения идеального исламского государства, обеспечивающего возможность существования такого общества, то во втором следует говорить о борьбе фундаменталистов за захват власти насильственным путем и утверждение политической модели государства, основанной на шариате.

Религиозный экстремизм проявляется в нетерпимости к представителям других конфессий или в противоборстве внутри одной конфессии. С точки зрения права, речь об исламском экстремизме может идти только в том случае, если суждения и действия части верующих идут вразрез с действующим в стране законодательством. Для самого же экстремизма характерно, в первую очередь, пренебрежение и презрение ко всем иным, кроме своей, точкам зрения. И как следствие, призыв к активной и агрессивной деятельности, включая насилие, ради утверждения своих конфессиональных и политических интересов.

Что касается терроризма, то это “тактика или стратегия групп, заключающаяся в систематическом, организованном и идеологически обоснованном использовании тактов для достижения политических целей” [14, с. 22].

Таким образом, экстремизм представляет собой одну из форм радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп. Его причины лежат в социальной дезориентации части граждан, их не-

достаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе.

К теме сущности религиозно-политического экстремизма непосредственно примыкает сложная ситуация в Дагестане, на Северном Кавказе.

Исламский экстремизм стал реакцией на происходящие в республике негативные процессы. Это, в основном, политика, обусловленная коррумпированностью высшего чиновничества и крупных политиков; бюрократизм, стремительная дифференциация общества, эскалация социальной напряженности, активизация миграционных процессов, обострение социальных противоречий, казнокрадство и взяточничество. В условиях продолжительной экономической нестабильности и снижения жизненного уровня, поляризации общества по материальному положению и идеологическим убеждениям, утраты веры в изменение жизни к лучшему постепенно истощался запас прочности. Рост протестных настроений провоцировала этноклановая верхушка Дагестана – примерно 200 семей и несколько десятков тысяч их соплеменников сосредоточили в своих руках 85 % национального богатства республики [14, с. 63–68]. По данным ФСБ, из 169 терактов, совершенных в России в 2011 году, больше половины приходится на Дагестан. В своем докладе на III съезде народов Дагестана 15 декабря 2010 года Президент РД М.М. Магомедов отметил, что за последние 10 лет от рук террористов в республике погибло более 1100 человек, ранены свыше 1200 [11, с. 4].

Одним словом, религиозно-политический экстремизм является «ответной реакцией недовольных слоев общества на длительное затягивание решения назревших социально-экономических, политических, межконфессиональных и межэтнических проблем» [11, с. 5].

Вышеперечисленные факторы привели массы дагестанцев к идее возвращения, возрождения "истинного" ислама. При этом следует учесть два существенных момента. Во-первых, все эти противоречия воспринимались большинством как нравственный кризис, отождествляемый с упадком религиозной веры. Во-вторых, специфика политической ситуации в республике заключалась в том, что она оставляла возможность выражения недовольства только через религию, через ислам с его традициями, который заполнил идеологический вакуум, созданный постсоветской волной модернизации, ориентированной на рынок и западные ценности. При этом единственно возможным местом политического самовыражения стала мечеть.

Идеи фундаменталистов встречали понимание и отклик, в частности, у оставшейся без работы и надежд на будущее молодежи, у беднейшего крестьянства отдельных регионов Дагестана. По данным МВД РД, на оперативном учете в 2000 г. находились 2445 активных приверженцев религиозно-экстремистского течения [1, с. 47–49].

В связи с активизацией деятельности ваххабитских групп и усилением влияния религиозного экстремизма на общественно-политическую обстановку в Дагестане в последние годы органами государственной власти проводилась большая и кропотливая работа. В частности, во исполнение Указов Президента РФ, а также исходя из сложившейся напряженной обстановки в Республике Дагестан и в регионе в целом, Государственным Советом Республики Дагестан был принят ряд постановлений, которые свидетельствуют о важности и актуальности проблем противодействия проявлениям религиозного экстремизма в республике. А 16 сентября 1999 г. Народным Собранием РД был принят также Закон "О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан", который превратил ваххабитов в гонимую органами государственной власти и Духовным управлением мусульман "подрывную секту".

Одним из множества факторов, повлиявших на дальнейшую политизацию ислама и развитие исламского экстремизма в Дагестане, явилась нерешенность "чеченского вопроса". Превращение ислама в интегральную часть политической надстройки Чечен-

ской Республики, активное участие его в становлении и управлении республикой через созданные там муфтияты, Совет улемов и шариатские суды активно подстегивали устремления дагестанских исламистов. Близость позиций определяли возникшие региональные религиозно-политические организации. В 1992 г. в Грозном был создан Высший религиозный совет народов Кавказа. Появились Управление мусульман Кавказа и Консультативный совет международного форума "Кавказский дом".

В конце 80-х – 90-е годы снятие всяких ограничений на поездки за рубеж, в т. ч. в Аравию, привело к резкому увеличению количества желающих посетить святыне места в Мекке и Медине. Начиная с 1990 г. количество совершивших хадж из Дагестана возросло в 15–16 раз. Рекордным в этом отношении явился 1998 год, когда хадж совершили более 14 тыс. человек при существующей международной норме 1 тыс. с миллиона населения (в Дагестане проживают около 3 млн чел.). А за последние 10 лет паломничество к святыням ислама совершили более 90 тыс. дагестанцев [17, с. 3].

Хадж в прошлом нередко становился средством решения политических задач. Так, 13 июня 1991 г. перед сезоном хаджа верующие собрались на центральной площади Махачкалы с требованиями уменьшить плату за проезд в Мекку и обратно, которая составляла 30 тыс. руб., снять ограничения с установленной нормы паломников из республики с 2 тыс. и довести ее до 10 тыс., а также произвести обмен денег по официальному, а не по спекулятивному курсу. Наибольшую активность в то время проявила радикальная фундаменталистская группа "Джамаату-ль-муслимин". Эти незаконные требования были поддержаны большинством собравшихся. Власти приняли решение разогнать митинговавших. Конфликт завершился столкновением с правоохранительными органами, что повлекло за собой человеческие жертвы. Государственные власти республики вынуждены были ввести в Махачкале чрезвычайное положение.

Особую тревогу вызывала политико-идеологическая обработка наших сограждан представителями различных исламских организаций и фондов, в т. ч. и радикального характера. Очевидцы отмечают, что проникновение ваххабизма на Северный Кавказ напрямую связано с усиленной идеологической обработкой со стороны саудовских и международных исламских организаций, внимание которых к мусульманам России и СНГ в последнее время усилилось. Имелись случаи придания некоторым паломникам и группе паломников из Дагестана и Чечни "статуса гостей" того или иного эмира, члена королевской семьи саудитов и хашимитов, что означает предоставление этим паломникам особых льгот и привилегий на территории СА и Иордании. Так, в 2001 г. на самолете с паломниками в Саудовскую Аравию вылетела и группа ваххабитов из Дагестана, которая была встречена в аэропорту Джидды с почестями, после чего у них возник небольшой скандал с остальными паломниками [5].

Есть мнение, что таким образом саудиты и в определенной мере хашимиты проводят идеологическую обработку и дают материальное вознаграждение потенциальных и реальных "ваххабитов" из числа российских мусульман из Дагестана и Чечни [6, с. 18–22].

Основными каналами распространения ваххабизма на Северном Кавказе явились миссионерский поток и бесконтрольная долларовая экспансия, совершаемая ваххабитскими центрами из Саудовской Аравии, Кувейта и других стран мусульманского мира. Связано это было, прежде всего, с либерализацией в начале 90-х годов режима пересечения государственных границ, в результате чего в республику стали просачиваться миссионеры.

Так, прибывшему в Дагестан в 1992 г. в качестве директора Российского отделения Международного благотворительного общества "Икраа" со штаб-квартирой в г. Джидде гражданину Египта Серваху уже к 1996 г. удалось создать в Кизилюртовском и Хасавюртовском районах при активном содействии известного экстремиста и лидера дагестанских ваххабитов Багаудина Магомедова (в настоящее время находится в феде-

ральном и международном розыске) сплоченную и самодостаточную ваххабитскую общину, способную самостоятельно вести дальнейшую работу по распространению в Дагестане ваххабизма.

Сервах активно включился в работу по культивированию в республике радикального реакционно-эстремистского течения – ваххабизма, формированию организационных структур движения. По данным спецслужб, через Российское бюро общества "Икраа" им было получено для этих целей 20 тыс. долл. США.

Серьезную активность в Дагестане проявляла и другая саудовская организация – Международная исламская организация спасения (МИОС или "аль-Игаса"). По сведениям ФСБ РФ, русский отдел "Игаса" возглавил Абдел Хамид Джафар Дагестани. Одновременно он служил имамом мечети в Медине и с 1992 г. выполнял на Северном Кавказе деликатные поручения одной из саудовских спецслужб. В 1994 г. посольству Саудовской Аравии было заявлено о нежелательности его пребывания на территории России.

По оперативным данным, только филиалу одной из организаций в Дагестане Саудовской Аравией было выделено 17 млн долл. Именно в связи с этим в народе ваххабизм зачастую стали называть "долларовым исламом" [12, с. 49–63].

Значительную поддержку исламистам в Дагестане оказывала и оказывает Турция. Исламские организации в Турции, среди которых "Тюркендиянатвакфи", придают большое значение обучению дагестанской молодежи. Министерство национального образования Турции ежегодно тратит на это до 80 млн долл.

Вплоть до 1996 года Ливия тайно передавала чеченским боевикам десятки миллионов долларов. Большая часть денег направлялась через Турцию, где ливийские спецслужбы использовали курьеров и каналы "Партии благоденствия" ("Рефах"), передавая деньги наличными через свое посольство в Анкаре [2].

С 1 января 1996 г. по 30 июня 1999 г. на счета благотворительной организации "Аль-Хайрия", активно работавшей в Дагестане и Чечне, было перечислено более 1 млн долл. США для оказания "гуманитарной помощи" своим сторонникам [4, с. 111–126].

В последние годы интерес к Дагестану проявлял и Пакистан. В 1998 г. 15 проповедников из Пакистана более месяца ездили по районам Дагестана. Их деятельность создавала противостояние между верующими, натравливая их друг на друга, разжигала вражду и религиозную нетерпимость.

Только с января 1996 г. по апрель 1999 г. к уголовной ответственности было привлечено более 40 иностранцев, которые незаконно проникали в республику и являлись эмиссарами зарубежных исламских организаций. За последние два года выявлено более 200 иностранцев, нарушивших визовый режим пребывания в РФ. 16 из них в принудительном порядке были выдворены за ее пределы [6, с. 169–170].

В Германии сторонники турецкого исламиста Метина Каплана после последнего землетрясения в Турции провели кампанию по сбору средств якобы в помощь пострадавшим, а вырученные 75 тыс. марок были направлены дагестанским ваххабитам [6, с. 150].

За счет долларовых вливаний нескольких кувейтских и саудовских организаций был создан и функционировал так называемый исламский центр "Кавказ", являвшийся пропагандистским центром ваххабитов. С 1992 по 1996 гг. при участии международных исламских организаций в Дагестане построено около 40 мечетей, отремонтировано 16 мечетей и медресе, на что затрачено около 1 млн долл. [18, с. 25–39].

В условиях появления на мировом рынке каспийской нефти, способной создать в перспективе мощную конкуренцию ближневосточным нефтяным монархиям, арабским государствам выгодно активное насаждение на Кавказе чуждой и нетерпимой аг-

рессивной идеологии, чтобы запустить механизм неразрешимого кровавого конфликта, который на долгие годы сделает проблематичной разработку и транспортировку нефти.

Современный исламизм в Дагестане имеет и культурологический аспект. Многие видели в исламизме и в обращении к культурному наследию "золотого века" мусульманской общины (уммы), к комплексу нравственных ценностей, предписанных шариатом, единственную возможность сохранения внутренней целостности и органического единства Дагестана. Этот процесс рассматривается как "путь душевного спасения" и благополучия Дагестана. На самом деле, социальная справедливость, предлагаемая исламом, стала лишь фундаментальной доктриной ислама.

Экстремизм в исламе получил наиболее активное распространение в течение последних трех десятилетий. Изменились и масштабы экстремистских проявлений, от незначительных перестрелок до объявления всеобщего джихада целым государствам. Если изначально религиозные экстремисты в основном боролись с иностранным присутствием, то теперь они стали терроризировать собственные мусульманские общины. Действия экстремистов на начальном этапе побуждались религиозным рвением, которое со временем уступило место политическим амбициям.

В современных условиях становится все более очевидно, что неверные представления об исламском сообществе практически полностью являются результатом экстремистского движения в пределах самих же мусульманских стран. Восприятие ислама как нетерпимой религии было создано экстремистским исламским меньшинством, а затем прочно закреплено средствами информации и другими институтами, обслуживающими политические и экономические интересы Запада. Между тем ислам по своей сути является удивительно толерантным вероучением, которое, как и другие мировые религии, пропагандирует идеи мира и милосердия. Возможно, ислам следует рассматривать как универсальную философию, которая принимает всех людей, религии, идеи. Как провозглашает Коран, в религии не должно быть никакого принуждения. Однако именно исламские экстремисты исказили этот универсальный принцип ислама. Они частично преуспели в отчуждении иноверцев от позитивного восприятия всего мусульманского сообщества, в результате чего вне мира ислама зачастую ошибочно полагают, что сотрудничество с мусульманами весьма затруднено. Подобное отчуждение и осторожность приносят очевидный вред, и не только для мусульман, но и для немусульманского мира в целом. Деятельность экстремистских элементов вызывает опасения не только у правительств, но и у отдельных людей. Вместе с тем не предпринимаются какие-либо существенные попытки, чтобы доказать тот очевидный факт, что экстремисты действуют вопреки интересам ислама и мусульман.

Литература

1. Айбатов Н., Анаев Э. Религиозный экстремизм на Северном Кавказе – одна из форм международного терроризма // Народы Дагестана. – 2000. – № 4. – С. 47–49.
2. Арухов З.С. Иностранные волонтеры в Чечне: религиозные метаморфозы // Наш Дагестан. – 2000. – № 194–195. – С. 31–40.
3. Атеистический словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1986.
4. Бекмурзаев Б.А. Религиозный фактор в Дагестане: международные аспекты // Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества: материалы Республиканской научно-практической конференции (27 октября 2000 г.) – Махачкала: ИД "Новый день", 2002. – С. 111–126.
5. Ваххабиты – самолетом // Нур-ул-ислам (общественно-политическая газета мусульман Дагестана). – 2001. – № 3. – март.
6. Гаджиев Р. Проблемный хадж дагестанских паломников // Кавказский обзор. Информационно-аналитический вестник министерства по национальной политике, ин-

формации и внешним связям РД. – 2000. – № 1 (24). – С. 18–22.

7. *Джантиев Д.* Ваххабизм в России: миф и реальность // Россия и мусульманский мир. – 2001 – № 10 (112). Бюллетень реферативно-аналитической информации. – М., 2001.

8. *Малахова Е.* Существует в России свобода совести // НГ-Религии. – 2001. – № 21.

9. *Малашенко А.В.* Исламское возрождение в современной России. – М.: Московский Центр Карнеги, 1998.

10. *Мамытова Э.* Исламский фундаментализм и экстремизм в странах Центральной Азии // Центр. Азия и Кавказ. – Lulea, 2000. – № 5 // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: РЖ / РАН. ИНИОН. – 2001. – № 4.

11. *Муслимов С.Ш.* Религиозно-политический экстремизм глазами дагестанцев. – Махачкала: Лотос, 2011.

12. *Поляков К.* Влияние внешнего фактора на радикализацию ислама в России в 90-е годы XX в. (на примере арабских стран) // Россия и мусульманский мир. – 2001 – № 10 (112). Бюллетень реферативно-аналитической информации. – М., 2001.

13. Религиозно-политический экстремизм: учебное пособие / под общ. ред. проф. М.Я. Яхьяева. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 2009.

14. *Саватеев А.* Дагестан: истоки фундаментализма – в бедности // Россия и мусульманский мир. – 2001. – № 10 (112). Бюллетень реферативно-аналитической информации. – М., 2001. – С. 63–68.

15. *Саидазимова Г.* Ислам и Запад: возможен ли “диалог цивилизаций?” // Центр. Азия и Кавказ. – Lulea, 2000. – № 5. – С. 7–14 // Социальные и гуманитарные науки. Зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика: РЖ / РАН. ИНИОН. – 2001. – № 4.

16. *Тувинов А.* Многоликий фундаментализм // НГ-Религии. – 2001. – № 18.

17. *Ханмагомедов Я.М.* Хадж и его трансформация в исламе: историко-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук) – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1999.

18. *Яралиев И.М.* Религиозный экстремизм как форма международного терроризма // Религиозный фактор в жизни современного дагестанского общества: материалы Республиканской научно-практической конференции (27 октября 2000 г.) – Махачкала: ИД "Новый день", 2002.

19. *Яхьяев М.Я.* Методологические проблемы исследования экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Т. 1. – Махачкала: Лотос, 2008.

Поступила в редакцию 10 ноября 2011 г.